

ТРОИЦЕ-
СЕРГИЕВА
ЛАВРА

Коллектив авторов

Троице-Сергиева лавра

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10439945
Троице-Сергиева лавра: Индрик; Москва; 2007
ISBN 978-5-85759-382-0

Аннотация

[<p id="__GoBack">](#)Настоящая книга представляет собой второе, но на деле первое издание сборника «Троице-Сергиева лавра», выпущенного в свет Комиссией по охране памятников искусства и старины Троицкой лавры в 1919 году и полностью уничтоженной до выхода из типографии. Остатки несброшюрованного тиража в течение нескольких лет хранились в помещении лаврской библиотеки. До настоящего времени сохранилось лишь несколько экземпляров книги. Ее авторами были П. А. Флоренский, Ю. А. Олсуфьев, С. П. Мансуров, М. В. Шик и другие видные русские ученые. Некоторые из них, как, например, С. П. Мансуров и М. В. Шик, стали впоследствии священниками. В 30-е годы прошлого столетия почти все авторы сборника были сосланы, многие расстреляны. Книга была задумана как своеобразный путеводитель по Троице-Сергиевой лавре в контексте ее мирового духовного и художественного значения. Осуществление когда-то

задуманного нашими предшественниками издания – малая дань признательности подвигу их жизни.

Содержание

От составителей	6
Троице-Сергиева лавра	25
П. А. Флоренский. Троице-Сергиева лавра и Россия	25
I	25
II	30
III	35
IV	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Троице-Сергиева лавра

© Составители, 2007

© Издательство «Индрик», 2007

От составителей

Сборник «Троице-Сергиева лавра» (Сергиев, 1919), был задуман как своеобразный путеводитель по древнейшему монастырю России и центру православной культуры. Подготовка сборника проводилась почти 90 лет назад Комиссией по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой лавры, созданной в октябре 1918 года Коллегией по делам музеев Наркомпроса в связи с национализацией лавры и угрозой уничтожения ее художественного собрания¹. В Комиссию вошли как специалисты из Москвы (И. Е. Бондаренко, Н. Д. Протасов, Т. Н. Александрова-Дольник, Ф. Я. Мишуков, В. Д. Дервиз), так и специалисты, жившие в Сергиевом Посаде: отец Павел Флоренский, С. Н. Дурылин, С. П. Мансуров, М. В. Шик (ставшие впоследствии священниками), а также П. Н. Каптерев, Ю. А. Олсуфьев и другие. Уже 14 декабря 1918 года на очередном заседании о. Павлом Флоренским был поставлен вопрос о создании путеводителя по Троице-Сергиевой лавре. И. Е. Бондаренко предложил, чтобы путеводитель распадался на ряд очерков. Тогда же в основном были определены темы очерков и их авторы.

¹ Об истории деятельности Комиссии подробнее см. ниже статью игумена Андроника (Трубачева) и М. С. Трубачевой, которая приводится с некоторыми изменениями по изданию: Музей-5. Художественные собрания СССР. М., 1984. С. 152–159.

Деятельность Комиссии, несмотря на ее государственный статус, основывалась на благословении Святейшего патриарха Тихона. К нему о. Павел Флоренский, ставший своего рода идейным руководителем, обратился еще в начале ноября 1918 года: «Ваше Святейшество, Милостивый Архипастырь и Отец. Будучи приглашены в Комиссию по охране и реставрации лавры, мы испрашиваем благословение Вашего Святейшества на предстоящее, полное величайшей ответственности, дело, а чтобы иметь право просить о благословении – считаем долгом своим объяснить, как понимаем выдачу серебра Прав[ительству] – по декрету. С 30-го октября нов[ого] стиля лавра стала достоянием Комиссар[иата] Нар[одного] Просв[ещения]. Следовательно, речь может быть не о том, что отнимут у Церкви из лавры, ибо *все* отнято, но скорее о том, что удастся сохранить для Церкви на том или ином косвенном основании. Основная задача Комиссии – не дать ничему уйти за пределы лаврских стен и по возможности сохранить строй лаврской жизни. К этой основной задаче присоединяется другая, сама по себе второстепенная, но тем не менее делающая возможным осуществление первой – направить реставрационные работы в наиболее безобидную для Церкви сторону»².

² Текст письма приводится по книге: *Флоренский Павел, свящ.* Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 761.

Вид на лавру с юго-восточной стороны. Фотография 1920-х годов

Позиция членов Комиссии, изложенная в этом обращении, вызывала соответствующую реакцию у представителей советской власти и атеистически настроенных деятелей. Несмотря на огромный труд по разборке и каталогизации художественного собрания лавры, выполненный в предельно короткие сроки и на высоком профессиональном уровне, уже к 1920 году деятельность первого состава Комиссии была прекращена ввиду признания властями политической неблагонадежности ее членов³.

³ См. об этом в книге: Следственное дело патриарха Тихона. Сборник докумен-

Сборник, посвященный Троице-Сергиевой лавре как художественному памятнику мирового значения, не успев выйти в свет, был подвергнут в статье снявшего с себя сан священника Михаила Галкина (Горева) разгромной рецензии, опубликованной в журнале «Революция и церковь» в № 3–5 (март – май) за 1919 год⁴.

«Комиссией по охране памятников искусства и старины Троицкой лавры в г. Сергиеве, Моск. губ., в частной типографии Иванова отпечатана, но по не зависящим от Комиссии обстоятельствам остановлена выпуском в свет любопытная брошюра: «Троице-Сергиева лавра». Отпечатана брошюра, конечно, на государственный счет, затрачены кипы великолепнейшей бумаги, ценящаяся на вес золота типографская краска, рабочие руки и т. д. На одном из заглавных листов брошюры (специальный лист) – государственный штампель: «Р.С.Ф. С. Р. Народный комиссариат по просвещению. Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины». На следующем листе обозначается уже точнее, кому же собственно должна принадлежать честь этого издания: «Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры».

тов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 557–586.

⁴ Текст статьи с небольшими сокращениями печатается по книге: *Флоренский Павел, свящ.* Ук. соч. Т. 2. С. 763–765.

Духовская церковь.
Фотография
1-й половины XX века

Духовская церковь. Фотография 1-й половины XX века

Вид на лавру со стороны торговых рядов. Фотография 1920-х годов

Брошюра представляет из себя сборник статей, принадлежащих перу членов Комиссии.

Особенное внимание обращает передовая статья служителя культа и члена Комиссии П. А. Флоренского «Троице-Сергиева лавра и Россия».

В этой статье священник Флоренский пытается осветить политическую роль «национального героя Сергия» как «ли-

ка России» (стр. 6), как «особого нашего Российского царства хранителя и помощника», как «особого покровителя и вождя русского народа», как «Ангела-Хранителя России» (стр. 7), как «Чудного старца святого Сергия» (стр. 8), «первообраза, первоавлечения России» (стр. 6), в лице которого «русский народ сознал себя, свое культурно-историческое место, свою культурную задачу и только тогда, сознав себя, получил историческое право на самостоятельность» (стр. 9).

Лавра в брошюре неоднократно именуется «Домом преподобного Сергия», «Домом Живоначальных Троицы», «лицом России» (стр. 6), «ее сердцем». «Чтобы понять Россию, – по мнению автора, – надо понять лавру, а чтобы вникнуть в лавру, должно внимательным взором всмотреться в основателя ее, признанного святым еще при жизни» (стр. 7). «В лавре оказывается ощутительнее, чем где-либо, бьется пульс русской истории, здесь собрание наиболее нервных, чувствующих и двигательных окончаний, здесь Россия ощущается, как целое» (стр. 4). «Очарование, теплое, как смутная память детства, уродняет душу лавре, так что все другие места делаются отныне чужбиной; а это – истинной родиной, которая зовет к себе своих сынов, лишь только они оказываются где-нибудь на стороне. Да и самые богатые впечатления на стороне скоро делаются тоскливыми и пустыми, когда потянет в Дом преподобного Сергия» (стр. 4).

Надвратная церковь Иоанна Предтечи. Фотография 1-й
полов. XX века

Троицкий собор и
Никоновский придел.
Фотография
1-й половины XX века.

Троицкий собор и Никоновский придел. Фотография 1-й половины XX века.

В заключительном абзаце своей статьи П. А. Флоренский говорит о монахах, обслуживающих лавру и «безусловно необходимых, как пятивековые стражи, ее единственные стильные стражи»; витиеватым слогом он тут же говорит не только о праве на существование гроба с костями Сергия, но и о правильно поставленном с «использованием всех достижений русского высокостильного искусства храмовом действе у священной гробницы Основоположника, Строителя и Ангела России».

При рассмотрении названной брошюры ясно выявляется основная тенденция местной Комиссии по охране лавры. Эта тенденция та же, которую усиленно проводят патриаршие круги, пытающиеся создать из лавры нечто подобное русскому «Ватикану», эту тенденцию в свою очередь усиленно проводили и реакционные группы, объединившиеся под флагом «церковных общин Сергиева Посада».

Душою «издательского плана» по выпуску названной брошюры являлись: бывший председатель Комиссии И. Е. Бондаренко и его «ученый секретарь» Флоренский. Выяснено, что гражданином Флоренским была доставлена для издания и великолепная бумага, которой могло бы позавидовать любое из действительно необходимых советских изданий.

Про Флоренского известно, что в бытность свою профес-

сором московской Духовной академии, он редактировал академический журнал «Богословский Вестник»; неоднократно помещал в нем погромные статьи, и, в частности, статьи, направленные против политических эмигрантов, небезызвестного нововременца В. В. Розанова, с которым находился в отношениях интимной дружбы. Деятельность Флоренского в данном направлении достаточно освещена в «Записках петроградского религиозно-философского общества» (вып. IV. Доклад совета и прения по вопросу об отношении общества к деятельности В. В. Розанова. Петроград, 1914–1916).

И. Е. Бондаренко, как председатель Комиссии по охране лавры, известен тем, что, состоя на ответственном посту в советском учреждении, пытался завязать связь с патриархом, которому неоднократно доносил о работах Комиссии, испрашивая на свои «труды» в качестве председателя Комиссии «молитвы и благословения святейшего».

В архиве так называемого «духовного собора» лавры был найден доклад Бондаренко, адресованный «Его Святейшему, Святейшему Патриарху Тихону Московскому и всея России», от 9 марта 1919 года.

Ризница. Фотография 1-й половины XX века

В своем докладе гражданин И. Е. Бондаренко, между прочим, почтительно сообщает патриарху, что только часть митрополичьих покоев решено приспособить под музей лавры, а часть он думает оставить в распоряжении патриарха на время его приездов в Сергиев; попутно тут же сообщается, что Комиссией (на государственный, конечно, счет) решено открыть кроме художественной и иконописную школу, которая будет снабжать православные храмы иконами художественного «высот костального» письма. Доклад подписан председателем Комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры с такой характерной припиской: «с изъявлением глубочайшего

почтения, И. Бондаренко». На докладе резолюция патриарха: «№ 905 9/22 марта. Собор лавры не замедлит представить по содержанию сего свой отзыв. П. Тихон».

Как курьез следует отметить, что в тексте одного «летучего листка, принятом на заседании местной Комиссии по охране памятников искусства и старины, последняя свое обращение к населению предполагала начать словами, что к своим работам она приступила «с благословения патриарха Тихона».

Если учесть, что в состав Комиссии, кроме названных лиц, входили: бывший граф Ю. А. Олсуфьев, сын видного члена церковного собора и активного деятеля по созданию в Сергиеве контрреволюции С. П. Мансуров, в качестве делопроизводителя работал сын вице-губернатора Заботкин, машинисткой служила Т. В. Розанова (дочь писателя – нововременца), для читателей станет вполне ясна та роль, которую только и могла играть названная Комиссия в делах лавры.

Не говоря уже о брошюре, вся деятельность Комиссии, как и следовало ожидать, направлялась в прошлом к охране религиозного культа в лавре, к защите интересов ее «единственно стильных, пятивековых стражей» – монахов (которые и были в действительности приглашены на службу в комиссию в качестве стражников, причем бывший наместник лавры архимандрит Кронид занял пост «караульного начальника»), к ненарушимости «храмового действия» у костей Сер-

гия, правда, пока без особых достижений «русского высоко-стильного искусства».

Вся эта деятельность Комиссии требует подробного исследования, как и деятельность других подобных комиссий, организовавшихся всюду.

Из целого ряда городов поступают сведения, что в комиссии эти успешно проникают большею частью служители культа, профессора и преподаватели бывших духовно-учебных заведений. Добиваясь иногда в комиссии ответственных постов, названные лица свою главную задачу полагают в том, чтобы «охранить» от ликвидации весь старый церковный аппарат, домовые храмы и даже целые монастыри под предлогом их «несомненной» исторической, археологической или же просто бытовой (!) ценности».

Можно предположить, что вслед поступило распоряжение о приостановке работы по изданию. Сохранились свидетельства, что в течение нескольких лет часть тиража хранилась в помещении бывшей лаврской библиотеки⁵.

На заседании 1-го января 1922 года, когда было объявлено, что Комиссия передается в ведение Церковной секции и обращена в монастырский музей, В. Д. Дервиз (директор музея) предложил заменить титульный лист путеводителя по лавре и осуществить выпуск издания. 12-го июля 1922 года сотрудник музея А. Н. Свирин предлагает обратиться в Сергиевский исполком с просьбой о выдаче тиража, хранящегося в лаврской библиотеке, что так и не осуществилось⁶. Предполагавшийся к выпуску тираж в 2000 экземпляров, частично напечатанный, но еще не сброшюрованный, вероятно, был уничтожен. Единичные сохранившиеся экземпляры имеются в фонде Российской государственной библиотеки, в московском Мемориальном музее-квартире о. Павла Флоренского и нескольких частных собраниях и являются библиографической редкостью.

Сборник, с которого осуществлен набор настоящего из-

⁵ Со слов Н. А. Маясовой, работавшей в Загорском музее заместителем директора по научной деятельности, даже в послевоенные годы вплоть до 1960-х годов разрозненные экземпляры несброшюрованного сборника валялись на чердаке Трапезной.

⁶ Протоколы архива СПМЗ. Д. 1/36.

дания, представляет собой брошюру размером 22 × 14 см, объемом в 155 страниц. Последующие издания Комиссии и Музея были оформлены так же. Напечатан он был без иллюстраций, на очень тонкой желтоватой бумаге, из-за чего текст лицевой и оборотной сторон просвечивает на нескольких листах. Несмотря на скудость полиграфических средств и достаточную давность издания, содержание статей продолжает и ныне вызывать исключительный интерес. Посвященные русской истории и истории русского религиозного самосознания, высокохудожественным творениям и реликвиям древности, они были созданы блестящей плеядой специалистов, сохранявших преемственность культуры. В то же время статьи сборника, написанные живым и образным языком, доступные различным по уровню подготовленности читателям, являются лучшим примером музейного просветительства. Одновременно с подготовкой сборника к изданию был выполнен перевод текстов на английский и французский языки.

Из всех статей наибольшую известность получил открывающий сборник текст о. Павла Флоренского «Троице-Сергиева лавра и Россия», где он говорит о значимости монастыря как духовной сердцевины русского народа.⁷ Другие статьи до сих пор оставались мало или совершенно неизвестными, хотя взгляды, высказанные авторами того времени, во мно-

⁷ О создании этой статьи подробнее см.: *Флоренский Павел, свящ.* Ук. соч. Т. 2. С. 761–765.

гом предупредили искания и решения современных исследователей церковного искусства⁸.

В 1926 году Главнаукой проводилось обследование уже созданного к тому времени Сергиевского историко-художественного музея. В Протоколе была дана высокая оценка музейному собранию и работе сотрудников. Особо отмечался труд библиотекаря А. Серафиновича и состояние бывшей лаврской библиотеки, где несколько лет хранился тираж сборника «Троице-Сергиева лавра»⁹.

Надо сказать, что намеренному уничтожению был подвергнут не только сборник, но и многие из его авторов¹⁰.

Осуществление когда-то задуманного нашими предшественниками издания – малая дань признательности подвигу их жизни.

Составители благодарят Татьяну Васильевну Смирнову, Ирину Леонидовну Кызласову и Александра Умаровича Грекова, предоставивших ряд ценных материалов, а также отмечают, что публикуемые среди иллюстраций документы Комиссии происходят из собрания московского Мемориального музея-квартиры священника Павла Флоренского.

⁸ Кроме сборника, на основе изученных материалов некоторыми членами Комиссии были опубликованы отдельные исследования и программы работы, положившие основу музейного дела (см. Приложение).

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 835. Лл. 114–119. О монахе Алексее Серафиновиче (ум. 27.III.1928 г. – архив СПМЗ. Д. 1/28).

¹⁰ О судьбах авторов статей сборника «Троице-Сергиева лавра» см. ниже. Материал, предоставлен Т. В. Смирновой.

Троице-Сергиева лавра

П. А. Флоренский. Троице-Сергиева лавра и Россия

I

Посетивший Троице-Сергиеву лавру в XVII веке, именно 11-го июня 1655 года, архидиакон антиохийского патриарха Павел Алеппский отзывается о ней с величайшим восхищением как о прекраснейшем месте всей земли. Церковь же Св. Троицы «так прекрасна», по его словам, «что не хочется уйти из нее». Нам нет нужды заподозривать искренность этого суждения: ведь Павел Алеппский писал не для печати, а исключительно для себя и для своих внуков, и лишь в наше время его впечатления стали общим достоянием. Неправильно было бы отвести это свидетельство и ссылкой на восточное красноречие писателя: ведь, если арабская фантазия его, а точнее сказать, огнистость восприятий, способна была видеть в окружающем более художественных впечатлений, чем притуплённая и сыроватая впечатлительность северян, то одинаковой оценке подвергалось все виденное, и среди

всего лавра оказывается на исключительном месте; очевидно, она и была таковою. Это свидетельство Павла Алеппскаго невольно проверяет на себе всякий, кто прожил достаточно времени возле «Дома Пресвятыя Троицы», как выражаются наши летописцы. При туристском обходе лавры, беглому взору впервые разворачивается не подавляющее количественно, но действительно изысканное богатство художественных впечатлений от неё. Есть, однако, и гораздо более тонкое очарование лавры, которое охватывает изо дня в день, при вживании в этот замкнутый мир. И это очарование, теплое, как смутная память детства, уродняет душу лавре, так что все другие места делаются отныне чужбиной, а это – истинною родиной, которая зовет к себе своих сынов, лишь только они оказываются где-нибудь на стороне. Да, самые богатые впечатления на стороне скоро делаются тоскливыми и пустыми, когда потянет в Дом преподобного Сергия. Неотразимость этого очарования – в его глубокой органичности. Тут – не только эстетика, но и чувство истории, и ощущение народной души, и восприятие в целом русской государственности, и какая-то, трудно объяснимая, но непреклонная мысль: здесь, в лавре именно, хотя и непонятно как, слагается то, что в высшем смысле должно называть общественным мнением, здесь рождаются приговоры истории, здесь осуществляется всенародный и, вместе, абсолютный суд над всеми сторонами русской жизни. Это-то всестороннее жизненное единство лавры, как микрокосма и мик-

роистории, как своего рода конспекта бытия нашей Родины, дает лавре характер ноуменальности. Здесь ощутительнее, чем где-либо, бьется пульс русской истории, здесь собрано наиболее нервных, чувствующих и двигательных, окончаний, здесь Россия ощущается как целое.

Подобно тому, как художественный портрет бесконечно более плотен, так сказать, нежели фотографический снимок, ибо сгущенно суммирует в себе многообразие различных впечатлений от лица, которые фотографической пластинкой улавливаются лишь случайно и разрозненно, так и лавра есть художественный портрет России в ее целом, по сравнению с которым всякое другое место – не более как фотографическая карточка. В этом смысле можно сказать, что лавра и есть осуществление или явление русской идеи, – энтелехия, скажем с Аристотелем. Вот откуда это неизъяснимое притяжение к лавре! Ведь только тут, у ноуменального центра России, живешь в столице русской культуры, тогда как все остальное – ее провинция и окраины. Только тут, повторяю, грудь имеет полное духовное дыхание, а желудок чувствует удовлетворенность правильно-соразмеренным и доброкачественным культурным питанием. Отходя от этой точки равновесия русской жизни, от этой точки взаимопоры различных сил русской жизни, начинаешь терять равновесие, и гармоническому развитию личности начинает грозить специализация и техничность. Я почти подхожу к тому слову о местности, пронизанной духовной энергией преподоб-

ного Сергия, к тому слову, которому пока еще все никак не удастся найти себе выражения. Это слово – античность. Вжившийся в это сердце России, единственной законной наследницы Византии, а через посредство ее, но также – и непосредственно – древней Эллады, вжившийся в это сердце, говорю, здесь, у лавры, неумоимо пронизывается мыслью о переκληках, в самых сокровенных недрах культуры, того, что он видит перед собою, с эллинской античностью. Не о внешнем, а потому поверхностно-случайном, подражании античности идет речь, даже не об исторических воздействиях, впрочем бесспорных и многочисленных, а о самом духе культуры, о том веянии музыки ее, которое уподобить можно сходству родового склада, включительно иногда до мельчайших своеобразностей и до интонации и тембра голоса, которое может быть у членов фамилии и при отсутствии поражающего глаз внешнего сходства. И если вся Русь, в метафизической форме своей, сродна эллинству, то духовный родоначальник Московской Руси воплотил в себе эту эллинскую гармонию совершенной, действительно совершенной личности с такою степенью художественной проработки линий духовного характера Руси, что сам, в отношении к лавре, или точнее – всей культурной области, им насквозь пронизанной, есть, – возвращаясь к прежнему сравнению – портрет портрета, чистейшее выражение той духовной сущности, которая сквозит многообразно во всех сторонах лавры как целого. Если Дом преподобного Сергия есть лицо России,

явленное мастерством высокого искусства, то основатель ее есть первообраз ее, этого образа России, первое явление России, скажем с Гёте, или, обращаясь к родной нашей терминологии, лик ее, – лик лица ее, ибо под «ликом» мы разумеем чистейшее явление духовной формы, освобожденное от всех наслоений и временных оболочек, ото всякой шелухи, ото всего полуживого и застывшего чистые, проработанные линии ее. В церковном сознании, не том скудном сознании, которое запечатлено в богословских учебниках, а в соборном, через непрерывное соборование и непрерывное собирание живущем духовном самосознании народа, Дом Живоначальных Троицы всегда сознавался и сознается сердцем России, а строитель этого Дома, преподобный Сергей Радонежский, – «особым нашего Российского царствия хранителем и помощником», как сказали о нем цари Иоанн и Петр Алексеевичи в 1689 году, – особым покровителем, хранителем и вождем русского народа, – может быть точнее было бы сказать – Ангелом-Хранителем России. Не в сравнительных с другими святыми размерах исторического величия тут дело, а в особой творческой связанности преподобного Сергея с душою русского народа. Говоря о своем отце, как об исключительном для меня человеке, я этим даже не ставлю вопроса о сравнительных его размерах с другими отцами, но, тем не менее, он – мой, он именно, и вникая в себя, я не могу не сосредоточиться исключительным образом именно на нем. Так, в стремлении познать и понять душу России, мы не мо-

жем не собрать своей мысли на этом Ангеле земли Русской – Сергие, а ведь народная, церковная мысль об ангелах-хранителях весьма близко подходит к философским понятиям: Платоновской идее, Аристотелевской форме, или скорее энтелехии, к позднеjšíему, хотя и искаженному понятию идеала, как сверх-эмпирической, выше-земной духовной сущности, которую подвигом художественного творчества всей жизни надлежит воплотить, делая тем из жизни – культуру. Чтобы понять Россию, надо понять лавру, а чтобы вникнуть в лавру, должно внимательным взором всмотреться в основателя ее, признанного святым при жизни, «чудного старца, святого Сергия», как свидетельствуют о нем его современники.

II

Время преподобного Сергия, то есть время возникновения Московской Руси, совпадает с одной из величайших культурных катастроф. Я разумею конец Византии, ибо преподобный Сергий родился приблизительно за полтораста, а умер приблизительно за шестьдесят лет до окончательного падения Константинополя. Но светильник перед угасанием возгорается ярче; так византийское средневековье, перед падением, дает особенно пышный расцвет, как бы предсмертно, с обостренной ясностью сознавая и повторяя свою идею: XIV век ознаменован так называемым третьим Возрождением.

ем Византии при Палеологах. Все духовные силы царства Ромеев тут вновь пробуждаются – и в умозрении, и в поэзии, и в изобразительных искусствах. Древняя Русь возжигает пламя своей культуры непосредственно от священного огня Византии, из рук в руки принимая, как свое драгоценнейшее достояние, Прометеев огонь Эллады. В преподобного Сергия, как в воспринимающее око, собираются в один фокус достижения греческого средневековья и культуры. Разошедшиеся в Византии и там раздробившиеся, – что и повело к гибели культуры тут —, в полножизненном сердце юного народа они снова творчески и жизненно воссоединяются ослепительным явлением единой личности, и из нея, от преподобного Сергия, многообразные струи культурной влаги текут, как из нового центра объединения, напаявая собой русский народ и получая в нем своеобразное воплощение.

Вглядываясь в русскую историю, в самую ткань русской культуры, мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому перво-узлу: нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская школа, русская наука – все эти линии русской культуры сходятся к преподобному. В лице его русский народ сознал себя, свое культурно-историческое место, свою культурную задачу и тогда только, сознав себя, получил историческое право на самостоятельность. Куликово поле, вдохновленное и подготовленное у Троицы, еще за год до самой развязки, было пробуждением Руси, как народа исторического; преподобного

добным Сергием *inscript historia*. Однако, взглядимся, какова форма того объединения всех нитей и проблем культуры, которая была воспринята преподобным от умирающей Византии. Ведь не мыслить же преподобного полигистором или политехником, в себе одном совмещающем всю раздробленность расползающейся византийской культуры. Конечно нет. Он прикоснулся к наиболее огнистой вершине греческого средневековья, в которой, как в точке, были собраны все ее огненные лепестки, и от нее возжег свой дух; — этою вершиной была религиозно-метафизическая идея Византии, особенно ярко разгоревшаяся вновь во времена преподобного. Я знаю: для невникавших в культурно-исторический смысл религиозно-метафизических споров Византии за ними не видится ничего, кроме придворно-клерикальных интриг и богословского педантизма. Напротив, вдумавшемуся в догматические контroversы рассматриваемого времени, бесспорна их неизмеримо важная, обще-культурная и философская, подоснова, символически завершающаяся в догматических формулах. И споры об этих формулах были отнюдь не школьными словопрениями о бесполезных тонкостях отвлеченной мысли, но глубочайшим анализом самых условий существования культуры, неутомимой и непреклонной борьбой за единство и самое существование культуры, ибо так называемые ереси, рассматриваемые в культурно-историческом разрезе, были по своей подоснове попытками подрвать фундаменты античной культуры и, нарушив ее целостность,

тем ниспровергнуть сполна. Богословски, все догматические споры, от первого века начиная и до наших дней, приводят-ся только к двум вопросам: к проблеме Троицы и к проблеме Воплощения. Эти две линии вопросов были отстаиванием абсолютности Божественной, с одной стороны, и абсолютной же духовной ценности мира – с другой. Христианство, требуя с равной силой и той, и другой, исторически говоря, было разрушением преграды между только – монотеистичным, трансцендентным миру, иудейством и только-пантеистичным и имманентным миру язычеством как первоначал культуры. Между тем, самое понятие культуры предполагает и ценность воплощаемую, а, следовательно, и сущую в себе неслиянно с жизнью, и воплощаемость ее в жизни, так сказать пластичность жизни, тоже ценной в своем ожидании ценности, как глины, послушной перстам ваятеля:

...Сама в перстах слагалась глина в обличья верные моих сынов... – , свидетельствует о творчестве, устами Прометей, глубинный исследователь художественного творчества. Итак, если нет абсолютной ценности, то нечего воплощать, и, следовательно, невозможно самое понятие культуры; если жизнь как среда насквозь чужда божественности, то она не способна принять в себя, воплотить в себе творческую форму, и, следовательно, снова останется она сама по себе, вне культуры, и, следовательно, снова уничтожается понятие культуры. Нападения на это понятие были все время, то с одной, то с другой стороны – то со стороны односторон-

него язычества, то со стороны одностороннего иудейства, и защита культуры, в самых ее основах, всенародным соборным сознанием всегда была борьбой за оба, взаимно-необходимые, начала культуры. Смотря по характеру нападений, и самая защита схематически чеканилась в лозунгах, имеющих, на вкус случайного обозревателя истории, узкий и схоластический характер догматических формул, но полных соками жизни и величайшей обще-культурной значимости, при рассмотрении их в контексте культуры. Два принципа культуры, – они же – предельные символы догматики – взаимно-подкрепляемые и взаимно-разъясняемые, как основа и уток, сплетают ткань русской культуры. Притом, Киевская Русь как время первообразования народа как сплетение самых тканей народности, раскрывается под знаком идеи о Божественной восприимчивости Мира, тогда как Руси Московской и Петербургской, как веку оформления народа в государство, маячит преимущественно другая идея, о воплощающемся, превыше-Мирном начале ценности. Женственная восприимчивость жизни в Киевской Руси находит себе догматический и художественный символ Софии-Премудрости, Художницы Небесной. Мужественное оформление жизни в Руси Московско-Петербургской выкристаллизовывается в догматический и художественный символ Пресвятой Троицы. Родоначальники двух основных пластов русской истории – Киевского и Московского, вместе с тем, суть величайшие провозвестники этих двух основных идей русского духа.

III

Это они первыми узрели в иных Мирах первообразы тех сущностей, которыми определяется дух русской культуры, вовсе не богословской науки только, культуры не церковной только, ложно понимая это слово, как синоним «клерикальный», но во всей ширине и глубине ее, церковной – в смысле всенародной, целостной русской культуры, во всех ее как общих, так и частных, обнаружениях. Да, равноапостольный Кирилл узрел в таинственном сновидении, в видении детского возраста, когда незапятнанная душа всецело определяется явленным ей первообразом горнего мира, узрел Софию и в его восприятии Она – божественная восприимчивость мира – предстала как прекраснейшая Дева царственного вида. Избрав ее себе в невесты из сонма прочих дев, равноапостольный Кирилл бережно и благоговейно пронес этот символ через всю свою жизнь, сохранив верным свое рыцарство Небесной Деве. Этот символ и сделался первой сущностью младенческой Руси, имевшей воспринять от царственных щедрот Византийской культуры. Первый по времени русский иконографический сюжет – икона Софии, Премудрости Божией, этой царственной, окрыленной и огненно-ликой, пламенеющей эросом к небу Девы, исходит от первого родоначальника русской культуры – Кирилла. Нужно думать, что и самая композиция Софийной иконы, историче-

ски столь таинственной, имею в виду древнейший, так называемый Новгородский чин, дана Кириллом же. Около этого небесного образа выкристаллизовывается Новгород и Киевская Русь. Не забудем, что самый язык нашей древнейшей письменности, как, вместе с ним, и наша древнейшая литература, пронизанная и формально, и содержательно благороднейшим из языков – эллинским, был выкован, именно выкован, из мягкой массы языка некультурного – Кириллом, другом Софии, ибо прозвание его – Философ, и что около Софийного храма, около древнейших наших, Софийных, храмов обращается рыцарственный уклад средневековой Киевской Руси. Но вот, за доверчивым приятием эллинства и за формированием извне женственной восприимчивости русского народа, приходит пора мужественного самосознания и духовного самоопределения, создание государственности, устойчивого быта, проявление всего своего активного творчества в искусстве и науке и развитие хозяйства и быта. Новое видение горнего первообраза дается русскому народу в лице его второго родоначальника – преподобного Сергия, и опять небесный зрак выкристаллизовывается в его душе с детского, на этот раз еще более раннего, а, по сказанию жития, даже утробного возраста. Нам нет надобности опровергать или защищать сказание жития о том, как младенец Варфоломей приветствовал троекратно Пресвятую Троицу, ибо важно народное сознание, желающее этим сказать: «Вот как глубоко определился дух преподобного горним перво-

образом, еще в утробе материнской весь ему преданный и весь им проработанный». Этим первообразом была абсолютность Пресвятой Троицы, приблизительно в это время, во время преподобного Сергия, предельно довыясненная и досказанная в так называемых паламитских спорах и в вопросах об «общей благодати Пресвятой Троицы» церковного, мыслию Византии. Эти вопросы глубоко занимали и преподобного Сергия – для осведомленности в них он посылал в Константинополь своего доверенного представителя. Выговорив это свое последнее слово, Византия завершила свою историческую задачу и ей делать было больше нечего. В истории открылся новый век – век культурного воплощения этого слова, и культурная миссия переходила к новому народу, уже усвоившему добродетель восприимчивости, а потому – и способность воплощать в себе горний первообраз. Византийская держава выродилась в «грекосов», а из русских болот возникало Русское государство. Символом новой культурной задачи было видение Троицы.

IV

Нередко говорится, что деревянный храм Пресвятой Троицы, построенный преподобным Сергием в лавре, и затем вновь возведенный из белого камня преподобным Никоном, есть первая по времени в мире церковь во имя Пресвятой Троицы. Сейчас трудно отстаивать внешне-фактическую

точность этого первенства: древние историки упоминают до четырех храмов во имя Пресвятой Троицы на Востоке и два – на Западе в IV–IX веках; но если бы эти свидетельства и были достоверными, то все же такое храмоздательство не вошло в обиход, и даже названные церкви не удержали долго своего имени, так что впоследствии Восток не имел Троицких храмов. В наших летописях уже в XII, XIII и XIV веках упоминаются храмы Троичные; так в Кракове, в Лысце, несколько в Новгороде Великом, в Холме, в Серпухове, в Палозерьи и, главное, соборный в Пскове. Точно ли позднейшая редакция летописных известий соответствует древним записям или же названные храмы, первоначально все деревянные и горевшие, были лишь впоследствии переименованы в Троицкие и названы в летописях, в более древних известиях, этим именем только ретроспективно, сказать трудно. Но бесспорно, во-первых, существовавшее в древности переименование храмов (так, например, лаврский Святого Духа был первоначально во имя Троицы), во-вторых, варианты в летописных известиях (например Троицкий Краковский, называется и Богородичным) и, наконец, в порядке раскрытия богословско-философского сознания, сравнительно поздняя, в XIV веке лишь, установка симметричной Троичной формулы, каковая именно в XIV веке в Восточной церкви делает идею Троицы предметом особенного внимания и ведет потому к строительству Троичных храмов, развитию Троичной иконографии, созданию цикла Троичных празднеств и но-

вой литургической поэзии. Поэтому весьма мало вероятно построение храмов Троичных до этого роста Троичной идеи в XIV веке; но если бы несколько таких храмов и в самом деле было в века предшествующие, то они не могли быть сознательно воздвигнутыми символами идеи еще не оформившейся и, следовательно, должны быть рассматриваемы либо как исторические случайности, не входящие в планомерное течение истории, либо как смутные предчувствия того целостного явления, которое раскрывается лишь с XIV века. Великое не возникает случайно и не бывает капризной вспышкой: оно есть слово, к которому сходятся бесчисленные нити, давно намечавшиеся в истории. Великое есть синтез того, что по частям фосфорически мерцало во всем народе; оно не было бы великим, если бы не разрешало собою творческое томление всего народа. Но, тем не менее, это оно именно творчески синтезирует смутные волнения, изливая их в одном слове. Таковым было слово преподобного Сергия, выразившего самую суть исканий и стремлений русского народа, и это слово, хотя бы и произносимое ранее, сознательно и полновесно было, однако, произнесено впервые им. В этом смысле, неоспоримо мировое первенство лаврского собора Пресвятой Троицы. Начало западно-европейской самостоятельности в Петербургский период России, опять ознаменовано построением Троицкого собора. Этим установил Петр Великий духовную связанность Санкт-Петербурга и Москвы. Таким же построением было ознаменовано в свое

время и начало самостоятельности России на Востоке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.